

ОБ ИРЛАНДСКИХ МОНАХАХ, ИЛИ РОЛЬ НЕЗАВИСИМЫХ ЭКСПЕРТНЫХ ЦЕНТРОВ И СМИ В РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

4 октября 2014 г. в Москве в рамках расширенного заседания Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра и Международного клуба Триалог состоялся круглый стол «Роль независимых экспертных центров и СМИ в российской внешнеполитической дискуссии». Одна из тем обсуждения — влияние независимых экспертных центров и СМИ на внешнюю политику. Есть ли независимые экспертные центры, оказывают ли они влияние на внешнюю политику? Также на круглом столе были рассмотрены варианты развития независимой экспертизы внешней политики в России.

Кроме этого, участники дискуссии пытались ответить, какими способами и механизмами экспертное сообщество может формировать взгляды на внешнюю политику. Нужно ли это просвещение и кому оно действительно необходимо. Не работают ли экспертные центры сами на себя.

В круглом столе приняли участие представители независимых экспертных центров и СМИ, в частности председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, главный редактор журнала Россия в глобальной политике Федор Лукьянов, доцент Московского гуманитарного университета Юрий Надточей, директор ПИР-Центра Владимир Орлов, президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский, специальный корреспондент газеты Коммерсантъ Елена Черненко, обозреватель радиостанции Коммерсантъ FM Константин фон Эггерт.

НЕЗАВИСИМЫЕ ЭКСПЕРТНЫЕ ЦЕНТРЫ?

ЕЛЕНА ЧЕРНЕНКО: Тема, заявленная на круглый стол, мне кажется такой естественной, что на первый взгляд фактически и обсуждать нечего — действительно, независимые экспертные центры и СМИ должны играть огромную роль в формировании внешнеполитической дискуссии, внешней политики страны. Однако, к сожалению, сегодня в России роль независимых экспертных центров, а также СМИ как раз в этих сферах минимальна, а фактически не ощутима. Более того, ситуация ухудшается. Мне как журналисту ближе ситуация в СМИ. Работая в сфере международной журналистики, я чувствую, что качественных независимых площадок становится все меньше, скорее, идет некий процесс единообразия — все меньше альтернативных точек зрения, меньше качественной подачи информации, больше пропаганды. Ситуация ухудшается и некоторыми законодательными инициативами. Недавно был принят еще один закон, который ограничивает возможности независимых и качественных СМИ. Это закон ограничивает возможность граждан других государств владеть СМИ, он напрямую повлияет на такие, как мне кажется, качественные независимые издания, как *Ведомости* и *Forbes*, которые

много пишут о внешней политике, особенно в последнее время, в связи с украинским кризисом.

Между тем именно такие альтернативные площадки, подающие информацию в ином ключе, чем государственные СМИ, не просто позволяют читателю формировать свое мнение, но и делают медиасреду более конкурентной, заставляя всех нас работать лучше, они необходимы и для формирования внешней политики страны, поскольку это возможность для общества выражать свое мнение, пытаться влиять (в идеале) на политику, в том числе внешнюю, давать тот самый *feedback*, а также не позволять тем, кто формирует эту политику, оставаться в своем *иллюзорном мире*, сформированном властью, и терять связь с реальностью. Поэтому независимые СМИ, которые, в том числе, освещают внешнюю политику, очень нужны. Это, безусловно, относится и к независимым экспертам, и к экспертным центрам, и, к сожалению, здесь в последнее время, особенно в последний год-полгода, тоже появляются негативные ограничительные тенденции.

Я бы хотела выставить на обсуждение два тезиса. Первый — немного идеалистический, о том, что независимые экспертные центры и СМИ делают политику страны, в том числе внешнюю, более эффективной. И второй тезис заключается в том, что Россия движется абсолютно не в том направлении, игнорируя эти возможности, эти источники информации, более того, ущемляя их права, ограничивая их и без того невеликие возможности влиять на эту самую внешнюю политику и дискуссию.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ: Как они влияют? Конечно, проще всего было бы сказать «да никак» и закончить выступление. Но поскольку есть какие-то иллюзии, что это возможно — причем я говорю сейчас не о России, а о ситуации в целом, потому что неплохо представляю ее в Соединенных Штатах, в Израиле, в Европе, — поскольку такие иллюзии есть, значит продолжим разговор.

Тяжелая деградация взаимоотношений экспертного сообщества и политического истеблишмента — это факт. И в этом плане я ничуть не больше ставлю на президента Обаму, чем на президента Путина, с той только разницей, что в Министерстве иностранных дел Российской Федерации все-таки трудно подобрать столь *талантливую* — в кавычках, конечно — дипломата, который олицетворял бы нашу внешнюю политику, так как это делает Джейн Псаки, в этом плане, безусловно, американская политика *яркая*.

Для меня вопрос вот в чем: совершенно неважно, получаете вы деньги от международных грантов и попадаете в иностранные *агенты*, как у нас, или получаете деньги от саудовского или катарского правительства и являетесь ими де-факто, как значительная часть самых уважаемых американских или европейских центров, притом что вас никто не обижает... но ближневосточная политика, а я могу говорить только о ней, наших американских коллег де-факто сегодня олицетворяет поговорку о хвосте, который вертит собакой. То же касается Франции и Великобритании. Это даже два хвоста, которые периодически вытуются, сражаются друг с другом, поскольку, как известно, Доха не любит Эр-Рияд и Эр-Рияд не любит Доху. Давайте посмотрим на целый ряд событий, пожалуй, за полтора-два десятилетия, пытаюсь понять, зачем это США. Ведь незачем. Зачем это Катару или Саудовской Аравии, объяснить можно, та же ситуация с Ливией и Сирией.

К огромному сожалению, это вовсе не означает, что наша политика ведет себя намного разумнее по отношению к экспертному сообществу, особенно с учетом всей паранойи, что началась, поскольку мы сейчас в разгаре *холодной войны*. Для тех, кто не знает: у нас *холодная война номер два*, и дай бог, чтобы она осталась холодной. Останется, удержится, чтобы не перетечь в горячую? Я совершенно в этом не уверен, поскольку инстинкты у всех свои. Не могу игнорировать и тот факт, что бундесвер (который раньше был вермахт) приходит на Украину третий раз за 100 лет. И лично мое *нежное* отношение к Германии здесь заканчивается.

При этом сделать здесь ничего нельзя. Мы можем сколько угодно говорить, мы относимся к так называемым *болтающим классам*, как их называют англичане. То,

что мы что-то говорим, вовсе не означает, что политическое руководство будет принимать решение, основанное даже на самых разумных рекомендациях. Оно будет предпринимать решение исходя из того, что у него есть инстинкт власти, есть лоббистские группы с различными интересами, в том числе финансовыми, исходя из того, кто к кому опоздал на встречу или кто кого любит или не любит. К огромному сожалению, ничего не изменилось со времен достаточно давних.

И в этом плане я слабо верю в то, что мы — мой институт — можем каким-то образом повлиять на что бы то ни было, предпринимаемое с точки зрения властей. Во-первых, это деньги, которые теперь могут быть только собственные или моих партнеров и коллег, а это означает, что меня можно убить, но нельзя заставить сказать или написать то, чего я не хочу. Второе — мы можем выложить информацию. Что с ней сделают? Это не наше дело. Она доступна, она может быть у кого угодно: у премьер-министра этой страны, у руководства того или иного российского ведомства, у президента той страны, et cetera, et cetera, et cetera. Разумеется, у каждого есть свои симпатии или антипатии: я не очень верю в то, что все мои коллеги — люди исключительно объективные и нейтральные, просто потому что объективных и нейтральных людей вообще не существует, поэтому в какую-то страну я информацию давать не буду, а в какую-то буду давать больше.

Есть какой-то процент вероятности, что этой информацией может воспользоваться кто-нибудь из официальных лиц. Да, наши работы воруют, переписывают и пишут диссертации и книги. Я этим глубоко удовлетворен, потому что это единственный способ довести информацию до начальства.

А дальше вопрос только в профессионализме: ваша информация, ваши эксперты профессиональны или нет? Они стараются быть объективными или уходят в идеологию? Вот тогда есть какой-то шанс. Ведь никакие подписи в общественных советах, никакое включение ни в какие органы, никакое присутствие в каких-то экспертных сообществах при высоком начальнике не гарантирует, что завтра вы не пойдете на паперть. К сожалению, то же самое я наблюдаю и по отношению к нашим британским, французским, американским коллегам, потому что блистательные специалисты либо не очень близки к *руководящему уху*, либо понимают, что у них есть пенсия, если они работают на государство, и поэтому они занимаются чем угодно, но не теми вещами, которые могут нарушить гармонию их существования.

ФЕДОР ЛУКЬЯНОВ: Когда произносят клише *независимые исследовательские центры*, в первую очередь возникает вопрос: *не зависимы от кого?* — потому что по контексту имеется в виду *не зависимые от государства*. Но это же не означает, что они при этом не зависимы от кого-либо еще. В этом смысле это определение лукавое. Действительно, в Америке очень много частных денег, которые участвуют в этом процессе, а в Европе я неоднократно сталкивался с той сферой экспертизы исследовательских центров, которые занимались европейской интеграцией, на пальцах одной руки можно пересчитать те, которые прямо или косвенно не содержатся Европейской комиссией. И хотя они все называют себя независимыми, конечно, они развивают ту повестку, которую продвигает Европейская комиссия. Есть независимые, как правило, они имеют частные пожертвования, но там всегда проблемы с деньгами, потому что меценатов, готовых давать деньги просто так, все меньше и меньше.

На мой взгляд, важность экспертного сообщества — любого, независимого — того, что существует вокруг нас, заключается не в том, что оно формирует политику или влияет на политику. К сожалению, тут я вынужден согласиться с тем, что их влияние, скорее, на словах, потому что любые уважающие себя государственные органы, и наши тоже, создали общественные или научные советы, потому что это сейчас модно, все время ссылаться на мнение экспертного сообщества и гражданского общества. Как правило это чистая формальность, т. е. заседание проводится для галочки, чтобы отчитаться. Но, наверное, бывают другие случаи, просто я о них не знаю.

Важность экспертного сообщества заключается в том, что оно, не идеализируя и не снижая слишком глубоко, создает определенную среду, в которой циркулируют разные идеи, от серьезных до экстравагантных и провокационных. Но, учитывая, что мы живем в мире, где все правила, нормы и какие-то привычные схемы рассыпаются, выясняется, что традиционное ведомственное мышление, по определению, инновационно, потому что любое ведомство — это структура, живущая по какой-то своей традиции. А иногда нужно, чтобы в публичной сфере прозвучала нестандартная точка зрения.

Опыт США важен. Не знаю, можно ли его воспроизвести в России — даже в Европе не все так. Там отлаженная система определенного круговорота: человек, делающий карьеру на достаточно высоком уровне, перемещается по очереди, работает на госслужбе — в госдепартаменте или в администрации, потом, при смене администрации, он уходит в уважаемый think tank — благо, в Америке их много — вице-президентом или ведущим научным сотрудником. Потом он может пойти в бизнес советником. А потом при очередной смене возвращается на госслужбу на более высокую, как правило, должность. Безусловно, это очень хороший инструмент, развивающий кругозор у будущих или действующих чиновников, которые благодаря этой системе видят с разных сторон одну и ту же проблему. Конечно, проблема — совершенно объективное явление, но проблема чиновников в том, что они смотрят исключительно с одной позиции.

Для того чтобы это работало, нужны исследовательские центры, необязательно высококачественные, но очень уважаемые, потому что пойти куда попало человек после госслужбы не может.

Вторая мысль, которую мне хотелось бы донести сегодня до всех, напрямую относится к роли независимых, зависимых, любых исследовательских структур. Это острая необходимость *просветительской* функции, поскольку понимание процессов везде падает в силу их сложности, в силу их неожиданности, но в России мы стоим на грани настоящей катастрофы.

Когда начиналась *арабская весна*, я в какой-то момент заскучал по всей той кошмарной тошнотворной догматике, которой нас кормили в советских вузах, под названием научный коммунизм, диалектический материализм, потому что по сравнению с тем уровнем анализа, который звучал от примерно 80% экспертов из телевизора, эта марксистская методология была невероятно продвинутой — с ее помощью объяснить *арабскую весну* было намного проще, понятнее и точнее, чем той бесконечной конспирологической теорией, которой у нас заменили марксистско-ленинское мировоззрение, превратив любую дискуссию о внешней политике, с одной стороны, в очень увлекательное занятие, а с другой — в совершенно бессмысленное, потому что, оценивая все, что творится в мировом закулисье, не совсем понятно, а как должно быть на самом деле. Это скатывание в какую-то архаику и мракобесие, которые мы наблюдаем в разных сферах нашей жизни, в частности в публичной дискуссии по международным делам, опасно для государства.

Дело не в том, что мне или кому-то еще это не нравится, это опасно, потому что оно не влияет на внешнюю политику, но формирует среду, готовую впитывать и одобрять любую внешнюю политику, чем бы та не руководствовалась на самом деле. И мне кажется, что наша задача, всех, кто как-то относится к сфере международной безопасности, заключается в том, чтобы не пытаться влиять на власть, а пытаться формировать общественное, хотя бы примерно профессиональное отношение. Вопрос не в позиции — у нас дискуссия свелась к примитивной черно-белой: ты за тех или за этих. Можно быть и за тех, и за этих, но при этом, будучи профессионалом, трезво оценивать и то, и другое. У нас сейчас, по-моему, эмоционально-идеологическое отношение доминирует, а это ничего хорошего не несет.

И как ни странно, хотя повлиять на власть эксперты едва ли могут, опять же это не только нас касается, но в этой самой глобальной коммуникационной среде,

какие-то общественные течения все-таки влияют на власть, которая вроде бы от них совершенно не зависит, поэтому на этом сейчас надо сосредоточиться тем людям, которые считают себя достаточно квалифицированными, чтобы что-то кому-то объяснять.

Третий момент: зачем нужны исследовательские центры — именно независимые или имеющие репутацию таковых? В тех условиях, в которых мы сейчас оказались (а, судя по всему, они будут только усугубляться) необходимы устойчивые платформы для международного диалога, которые могут выдержать этот шторм. Международный диалог скукоживается: отчасти нет желания, отчасти нет возможности, многие диалоги превращаются в обмен воплями и обвинениями. Тем важнее эти точки, центры... ПИР-Центр в данном случае мог бы быть флагманом, потому что он этим занимается много лет.

Спокойного и делового обсуждения нет. К сожалению, мы сейчас пришли к ситуации, когда задача договориться вообще не ставится. Есть задача минимизировать ущерб происходящего, и с этой задачей можно попробовать как-то справиться.

И последнее, что очень важно, но, к сожалению, весьма не утешительно и для России, и вообще в мире, и в интеллектуальной прослойке, которая представлена в мире. Мир меняется в сторону *гораздо меньшей свободы*. Как ни странно это прозвучит, вроде бы в разгул информационной открытости невозможность отгородиться, но невозможность не абсолютная. И все государства любого толка: недемократические, полудемократические, демократические, — сталкиваются с крайне агрессивной внешней средой во всех ее проявлениях. Не в том смысле, что кто-то конкретно вмешивается в их внутренние дела, но вообще эта среда, хаотичная и очень активная, трансграничная, давит на всех, будь то огромное государство, как США, или мелкие страны, которые вот-вот утонут от глобального потепления в океане. Все они сталкиваются с этими огромными вызовами и пытаются обороняться, защищать себя. И это неизбежно ведет к тому, что эта оборона может быть или коллективной, или индивидуальной. Поскольку с коллективной обороной, т. е. совместным обсуждением внешних вызовов, не получается, я думаю, что каждое государство будет за себя. А это, безусловно, не очень благоприятная среда.

ЭКСПЕРТИЗА: КОМУ И КАК, ИЛИ ЧТО И ДЛЯ КОГО?

ЕЛЕНА ЧЕРНЕНКО: Федор Лукьянов говорил о целом ряде функций, которые есть у независимых и зависимых экспертных центров, в том числе о функции просвещения. С просвещением ПИР-Центр блестяще справляется, в том числе в рамках Летних школ. Есть, насколько я понимаю, консалтинговая роль и взаимодействие с госорганами, с тем же МИДом и Министерством обороны. А вот получалось ли на что-то повлиять, изменить что-то или добиться каких-то результатов, удовлетворительных хотя бы для себя?

ВЛАДИМИР ОРЛОВ: Для себя я нарисовал три сценария для экспертных центров, или, если хотите, *фабрик мысли*. Может быть, это слишком комплементарно для экспертных центров в России. Сценарий первый: *востребованность А*; сценарий второй: *востребованность В* и сценарий третий — *прочее*. Я бы сказал, что сейчас мы находимся в ситуации, когда все три сценария возможны, поэтому, если кто-то ожидал от меня услышать нечто мрачно-пессимистичное, я к этому не готов, другое дело, что между этими тремя сценариями шансы распределяются примерно поровну.

Сценарий первый, или востребованность А. Государство, понимая, что ему нужна экспертиза, берет ее из двух, условно говоря, котлов: один котел — это *governmental non-governmental organizations*, т. е. структуры, созданные государством, даже если они имеют формально независимый характер, второй котел — это действительно негосударственные центры и экспертные организации.

Одна опора уже создана — это элементы общественной, или народной, дипломатии, которые подпитываются через Фонд *Русский мир* или Фонд Горчакова. Но проблема в том, что вторая опора — прикладные исследования, конкретные экспертизы — достаточно слаба и, безусловно, несистемна. В этом отношении многие коллеги знают, что есть предложение, с которым выступили Евгений Петрович Бужинский и я — о создании Фонда поддержки внешнеполитических исследований и разработок. Мы получили позитивную реакцию, в том числе из государственных структур... однако работа по созданию такого Фонда пока так и не проведена.

Сценарий второй, или востребованность В, — другой вариант востребованности экспертных структур. Это совпадает с тем, о чем говорили Евгений Сатановский и Федор Лукьянов. Сейчас времена холодные, времена *второй холодной войны*, и в этом отношении места для реальных негосударственных организаций нет. Они и не должны быть востребованы в эти времена. И здесь действительно копируется сюжет *первой холодной войны*, где была выстроена система работы, в том числе с вероятным противником, на совместном экспертном уровне. Роль того же ИСКАНа образца 1970-х гг. может выполнять РСМД, роль ИМЭМО — ИМЭМО, это уже создано. Некое *политбюро* будет решать, кого командировать за границу, с какой заявочной позицией, кого с *запасной* позицией, и, может быть, эффективность дискуссии от этого не так уж сильно пострадает. Такой сценарий тоже подразумевает востребованность, такие *фабрики мысли* есть, в значительной степени они демонстрируют свою эффективность — но не везде. С точки зрения конкуренции между государством и независимой экспертизой сюжета нет — он просто отпадает, и государство решает все задачи.

И сценарий третий — *прочее*. Иначе: а нужны ли вообще эксперты? Это более радикальный сюжет. Может быть, он отходит к изначальному тезису Евгения Сатановского о том, насколько вообще возможно здесь взаимодействие и нужно ли оно. Эксперты все путают, все замутняют, играют в свои игры... не отсечь ли этот пласт как лишний, да и дело с концом? И бюджету легче будет дышать.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ: Маленькая реплика на тему оптимизма в отношении замены частных негосударственных фондов на ИМЭМО и прочие, возвращения в старую добрую эпоху. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. На сегодняшний момент, надо отдавать себе в этом отчет, мы живем в эпоху продолжающегося распада, где выделяется некая новая проекция. Все, что существует в России, подвергается простому и эффективному процессу распыла и раздела. Например, сегодняшняя реформа образования, от школьного до университетского, включающая ликвидацию академии наук как таковой, а также аспирантуры, имеет своей задачей единственное и эффективное менеджерское выбивание из нее прибыли, что не совместимо с поддержанием достаточно высокого уровня и какого бы то ни было института экспертизы. Да, разумеется, определенные, даже очень большие деньги на определенные отрасли выделяются и выделяться будут. Но какой процент этих денег пойдет на профессионалов, экспертов, носителей политических или политологических и прочих вещей, на инженеров, от которых не требуется ни создания, ни поддержания определенного уровня военного потенциала, на инженеров человеческих душ — по-английски *garbage*. С точки зрения любого профессионала, который смотрит на этих странных людей, достаточно обратить внимание на кадровый состав так называемого ФАНО, чтобы не говорить о том, что будет создана какая-то государственная система, которая заменит что-то, что уже было собрано. То, что еще можно было сохранить, еще при Фурсенко или при Ливанове было окончательно похоронено. Оптимизм в этом вопросе, к сожалению, неуместен.

Но здесь осталась некая функция, которая была у ирландских монахов после Римской империи, — господа эксперты могут хотя бы сохранить что-нибудь и кому-нибудь это передать. Умение проводить экспертизу, некоторые знания, чем, собственно, опять же в моем институте занимаются: под три сотни книжек издали с 1995 г., школу сохранили, некоторые направления даже отстроили, — и то хоро-

шо. В год выпускают тысячу аналитических заметок, и это замечательно. Лет через десять, если деньги кончатся, этого не будет. Но этот кусочек знаний останется. Не исключено, что следующее поколение сможет его использовать, если это будет нужно, но не более.

КОНСТАНТИН ФОН ЭГГЕРТ: Я по-своему согласен с каждым выступавшим. Ситуация очень плохая, уж если заговорили об ИМЭМО, обо всех этих *мамонтах* и *динозаврах* советской эпохи. Достаточно почитать имеющиеся в открытом доступе протоколы заседания политбюро по принятию решения о вводе или не вводе войск в Афганистан. Да, мы знаем, что оно было принято, но если оценивать уровень дискуссии, понимаешь, что какая-то мысль билась в этих научных центрах, каким-то образом фильтровалась вверх, даже в этот ареопаг Советского Союза, чего сейчас, по-моему, не происходит. У меня нет твердой уверенности в том, что Министерство иностранных дел влияет на внешнюю политику, поэтому о каких экспертных центрах мы говорим? Я, кстати, не вижу проблемы в наличии экспертных центров, не зависимых от государства, но зависимых от кого-то еще, как это происходит с массмедиа. Необязательно, чтобы всеми газетами или веб-сайтами владело государство. Очень хорошо, если ими будут владеть Усманов, Алекперов или кто-то еще, и их будет много, и это создает необходимую полифонию. Деньги откуда-то должны браться. Мне кажется, здесь одна из главных проблем заключается в том, что российские бизнес-структуры не заинтересованы в существовании таких центров.

Ясно, что у нас никакой самый супербогатый олигарх не будет давать деньги на какой-то исследовательский центр, который может написать некую бумагу, которая не понравится администрации. Тут я вижу тупик. Я хотел бы обратиться к Федору Лукьянову. Мы регулярно выступаем в ток-шоу, где конспирология давно уже подменила анализ, но эта конспирология, которая транслируется государственными телеканалами, по сути стала национальной идеологией. Мы знаем, если в Антарктиде умер пингвин, это случилось потому, что американцы хотели пробурить скважину и узнать, есть ли там нефть.

Федор, вы говорите о просвещении. А где платформы для этого просвещения? С одной стороны, есть Первый канал, который охватывает все, а с другой — вы выпускаете книжку тиражом в 2000–3000 экземпляров, и что из этого будет? В чем должна состоять суть этого просвещения? Где оно должно происходить? Это искренний вопрос, а не попытка подвергнуть все сомнению. Эта идея правильная, детоксикация мозгов должна происходить, но это очень сложный процесс. Это почти подвиг.

ФЕДОР ЛУКЬЯНОВ: Конечно, Первый либо другой канал общенационального покрытия имеет не сопоставимые ни с кем возможности. Кстати, по поводу ток-шоу, где конспирология присутствует. Я, например, в какой-то момент перестал туда ходить, потому что это не имеет никакого смысла. Своим присутствием ты только легитимируешь весь этот дискурс, вот и все. На мой взгляд, здесь можно работать, как совершенно справедливо сказал Евгений Сатановский, работать по принципу *капли, которая точит камень*, на перспективу. В Совете по внешней и оборонной политике мы полтора года назад запустили ежемесячный лекторий в культурном центре ЗИЛ, запустили его на авось, я был уверен, что это все продержится пару месяцев и *сдохнет*, потому что никто ходить не будет: в пятницу вечером на два часа приходите и слушать какую-то *нудятину* про международные дела. И был приятно удивлен тем, что люди-то ходят. Ходят люди разные, в основном молодые. Средняя посещаемость — 100 человек, бывает больше, когда более живая тема. И интерес очень большой. Это говорит о том, что даже те люди, которые смотрят телевизор, читают газеты или просматривают интернет, мысль в их головах шевелится. Поэтому, мне кажется, что такая просветительская работа не должна прерываться, а потом мы же в России, и мы живем в ней довольно давно, и до нас поколения жили. Пройдет этот цикл, наступит следующий. Наступит, не приведи господь, новая перестройка, и мы все опять окажемся на исходной. Главное, что эта ниточка сохранилась.

ЮРИЙ НАДТОЧЕЙ: А действительно ли мы можем говорить о том, что формирование этой социальной среды, на которую экспертное сообщество могло бы воздействовать, готово к тому, чтобы сформироваться в нужном для экспертной среды направлении, с учетом того, что сейчас массовое сознание так экзальтировано, выработало себе такой прочный и мощный иммунитет для альтернативной точки зрения, что в данном случае это будет некая попытка плыть против течения, традиционного течения? А если говорить о том, что все-таки просвещение с помощью качественной экспертизы могло бы быть адресовано не широким массам, не аудитории Первого канала, а более узкой прослойке интеллигенции, давайте посмотрим с гуманистической точки зрения: а не сделаем ли мы этих людей несчастными? Потому что получится, что эта узкая группа интеллигенции станет заложниками толпы *хунвейбинов*, которые могут надеть на них знаменитые колпаки. И некоторые вещи могут быть просто опасны.

ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ: Многие знания — многие печали. И это не нами сказано. Делая человека образованным, умным, разбирающимся в том, что происходит вокруг, вы, по определению, делаете его несчастным. Он же будет разочарован во всем. А так он будет строем ходить, по Бертольдту Брехту, и будет счастлив, будет *бить в барабан*.

Поэтому выбирайте: да или нет, уходите в частную жизнь бабочек коллекционировать — или рассказываете, что в мире происходит с той степенью объективности, с какой можете. А дальше будь что будет. Только так цивилизации и сохраняются, иначе это никогда не было, ни в какие эпохи, ни у каких народов, ни в каких странах. 🐛